

Проблема смерти и бессмертия в философском наследии Ф.М. Достоевского

Е.Н. Шовина

Гуманитарный факультет МГТУ, кафедра философии

Аннотация. Статья посвящена осмыслению проблемы смерти и бессмертия в творческом наследии Ф.М. Достоевского. Анализируются взгляды писателя о возможности человеческого бессмертия, роли религиозно-философских, духовно-нравственных и социальных установок в процессе его достижения, страдании как способе познания истинной жизни.

Abstract. The paper considers the problems of death and immortality in Dostoevsky's creation. The characteristics of Dostoevsky's views on human immortality opportunities, the role of religious, philosophy, moralities, social behavior as resources of immortality have been given.

1. Введение

Вопросы жизни, смерти и бессмертия интересовали человечество с тех пор, как оно появилось. Актуальность вопроса не упраздняется с течением времени. Что происходит с человеком, когда он умирает? Почему человек умирает? Можно ли преодолеть смерть? И как вообще возможна смерть индивидуального и неповторимого? Эти вопросы заставляют практически каждого задуматься о смысле собственной жизни и ее перспективах. Как справедливо заметил Б. Вышеславцев (1990): "Мысль о смерти каждого делает философом и мистиком". Не были исключением и русские философы и писатели XIX-XX вв. (Л.Н. Толстой, В.С. Соловьев, Ф.М. Достоевский, Н.Ф. Федоров, С.Н. Булгаков, М.Е. Салтыков-Щедрин, М.М. Тареев, Е.Н. Трубецкой, В. Несмелов и др.).

Понимание сущности и смысла смерти Ф.М. Достоевским неотрывно связано с его основными философскими идеями. Собственно философских произведений у этого мыслителя нет: его воззрения нашли отражение в различных художественных, публицистических, эпистолярных произведениях. Через рассуждения героев своих произведений (романов "Братья Карамазовы", "Подросток", "Бесы", рассказов), мучительные раздумья в дневниках и письмах писатель стремится разобраться в сложных вопросах бытия.

Отношение к смерти и бессмертию философа определяется его религиозными убеждениями, представлениями о жизни и ее смысле, природе человека, его идеалах. Эти представления отражались в размышлениях героев, их словах и поступках одновременно в трех разных пластах: философском, социальном и психологическом. По точному замечанию К. Накамуры (1993) эти идеи не представляют "собой какого-то специального термина, управляемого разумом, а становятся ощущаемой силой, напряженно охватывающей человека". Поэтому для правильного понимания мировоззрения писателя необходимо помнить о "диалогической природе истины" в его творчестве (Бахтин, 1963), постоянном обращении к сократовскому методу постижения сущности явлений. Сам Достоевский все время находился в процессе саморазвития и совершенствования, поэтому его убеждения претерпевали изменения на протяжении всей жизни.

2. Достоевский и Бог

Вера в Бога для Федора Михайловича – вопрос сложный и неоднозначный, сам он был мучим им на протяжении всей жизни: "Я скажу Вам про себя, что я – дитя века, дитя неверия и сомнения до сих пор и даже (я знаю это) до гробовой крышки" (Достоевский, 1996). Заявление это, сделанное еще в молодости, оказалось пророческим, так как в лице своих героев писатель практически во всех произведениях, так или иначе, решает вопрос о бытии Божьем. Вера как внутреннее устремление к высокому и духовному вступает в противоречие с жестокой и приземленной повседневностью, страстное желание верить сталкивается с объективным незнанием, негарантированностью существования предмета религии.

Так он писал о замысле "Жития великого грешника": "Главный вопрос... тот самый, которым я мучился сознательно и бессознательно всю мою жизнь, – существование Божие" (Достоевский, 1986). Мысли автора, затрудняющегося однозначно определиться с решением этого вопроса для себя, высказывает Версиллов в "Подростке": "Положим, я и не очень веровал, но все же я не мог не тосковать по идее. Я не мог не представлять себе временами, как будет жить человек без Бога и возможно ли это когда-нибудь. Сердце мое решало всегда, что невозможно; но, некоторый период, пожалуй, возможен... для меня даже сомнений нет, что он настанет; но тут я представлял себе всегда другую картину..." (Достоевский, 1988). Можно отметить, что разумом Достоевский соглашался с возможностью существования людей без Бога, а чувствами, сердцем – противился этому.

В 1876 г. в "Дневнике писателя" мыслитель отмечает, что "без веры в свою душу и в ее бессмертие

бытие человека неестественно, немислимо и невыносимо", вера в бессмертие есть "основная и самая высшая идея человеческого бытия" (Достоевский, 1982). Идея отсутствия Бога и дарованного им бессмертия не устраивает писателя ни в нравственном, ни в логическом смысле. Свои умозаключения Достоевский строит следующим образом: во-первых, человек является организмом; во-вторых, всякий организм существует, чтобы жить, а не истреблять себя – это *земной закон*; в-третьих, если человек будет жить за счет других и разрушать себе подобных, то он будет убивать, прежде всего, себя как организм, как вид, т.е. будет нарушать *земной закон*; в-четвертых, если бы человек имел только земной закон, то он его никогда бы не нарушал, как, например, это свойственно животным. Но человеческое *я осознает* этот земной закон и может ему не подчиняться, так как оно выше "земной аксиомы, земного закона", и "выше их имеет закон". Значит, этот закон "не на земле, где все закончено, и все умирает бесследно и без воскресения" (Достоевский, 1996). Этот закон в Боге, во Христе. Таким образом философ выстраивает логическое доказательство существования Бога.

Согласно Достоевскому без Бога жизнь теряет свою логическую полноту и цельность, так как с уничтожением идеи Бога упраздняется не только идея бессмертия души, но и необходимость нравственного поведения: "Скажите, для чего мне тогда жить хорошо, делать добро, если я умру на земле совсем? Без бессмертия-то ведь все дело в том, чтоб только достигнуть мой срок, и там хоть все гори. А если так, то почему мне (если я только надеюсь на мою ловкость и ум, чтоб не попасться закону) и не зарезать другого, не ограбить, не обворовать, или почему мне, если уж не резать, так прямо не жить на счет других, в одну свою утробу? Ведь я умру, и все умрет, ничего не будет!" (Достоевский, 1996).

Писатель считает, что в том случае, когда человек не признает над собой никакого высшего закона, он приходит к выводам, разрушающим его личность и жизнь, что ярко демонстрируется на примере Кириллова: "Я не понимаю, как мог до сих пор атеист знать, что нет Бога, и не убить себя тотчас же? Сознать, что нет Бога, и не сознать в тот же раз, что сам Богом стал, – есть нелепость, иначе непременно убьешь себя сам... Но один, тот, кто первый, должен убить себя сам непременно, иначе кто же начнет и докажет? Я еще только Бог поневоле и я несчастен, ибо обязан заявить своеволие... Я три года искал атрибут Божества моего и нашел: атрибут Божества моего – Своеволие! Это все, чем я могу в главном пункте показать непокорность и страшную свободу мою. Ибо она очень страшна. Я убиваю себя, чтобы показать непокорность и новую страшную свободу мою" (Достоевский, 1990).

Ужас Кириллова вызван, на наш взгляд, во-первых, тем, что без Бога человек вынужден быть "своевольным", так как отсутствие данных сверху законов дает возможность самостоятельного определения границ дозволенного. В речи героя, как и в представлениях самого писателя, сквозит сомнение в разумности и нравственности человека, в его способности самостоятельно устроить гармонию и порядок на земле. Во-вторых, отсутствие "высшего закона" ставит под вопрос смысл жизни: настоящие и будущие страдания уже нельзя оправдать последующим посмертным раем. В этом случае человек должен признать собственную ответственность и вину за то, что происходит в мире, за свое поведение, так как Бог больше не может выступать регулятором жизни, гарантом справедливости и карающей десницей, воздающему каждому по заслугам (хотя бы на том свете). Человек должен забрать эти функции у Бога и реализовывать их сам. В-третьих, страх Кириллова появляется оттого, что вместе с упразднением идеи Бога, устраняется идея бессмертия, без которой человек рискует стать только природным телом, физическим объектом, снабженным рядом психических функций, но не высшей божественной сущностью. В представлениях писателя, только некий потусторонний внеземной Абсолют способен обеспечить духовное в человеке, предотвратить его превращение в механизированное чудовище.

Даже в том случае, когда писатель пытается представить себе идеальный гармоничный мир без Бога, мысль о конечности отдельного человеческого бытия приводит его к отказу от такой утопии. Например, Версилов в своем монологе пытается представить подобное общество: "Я представляю себе, ...что бой уже кончился и борьба улеглась. После проклятий, комьев грязи и свистков настало затишье, и люди остались *одни*, как желали: великая прежняя идея оставила их; великий источник сил, до сих пор питавший и гревший их, отходил, ... но это был уже как бы последний день человечества. И люди вдруг поняли, что они остались совсем одни, и разом почувствовали великое сиротство... Осиротевшие люди тотчас же стали бы прижиматься друг к другу теснее и любовнее; они схватились бы за руки, понимая, что теперь лишь они одни составляют все друг для друга. Исчезла бы великая идея бессмертия, и приходилось бы заменить ее; и весь избыток прежней любви к тому, который и был бессмертие, обратился бы у всех на природу, на мир, на людей, на всякую былинку. Они возлюбили бы землю и жизнь неудержимо и в той мере, в какой постепенно сознавали бы свою преходимость и конечность, и уже особенную, уже не прежнюю любовью. Они стали бы замечать и открыли бы в природе такие явления и тайны, каких и не предполагали прежде, ибо смотрели бы на природу новыми глазами, взглядом любовника на возлюбленную. Они просыпались бы и спешили бы целовать друг друга, торопясь любить, сознавая, что дни коротки, что это – все, что у них остается. Они работали бы друг на друга, и каждый отдавал бы всем все свое и тем одним был бы счастлив... "Пусть завтра последний день мой, – думал бы каждый, смотря на заходящее солнце, – но все равно. Я умру, но останутся все они, а после них дети их" – и эта мысль, что они

останутся, все так же любя и трепеща друг за друга, заменила бы мысль о загробной встрече. О, они торопились бы любить, чтобы затушить великую грусть в своих сердцах. Встречаясь, смотрели бы друг на друга глубоким и осмысленным взглядом, и во взглядах их была бы любовь и грусть..." (Достоевский, 1988).

Однако, как нам кажется, эта картина выглядит слишком печальной и бесперспективной для писателя, чтобы он мог ее принять до конца. Поэтому монолог Версилова Достоевский не случайно заканчивает следующими словами: "Замечательно, что я всегда кончал картинку мою видением, как у Гейне, "Христа на Балтийском море". Я не мог обойтись без него, не мог не вообразить его, наконец, посреди осиротевших людей. Он приходил к ним, простирая к ним руки и говорил: "Как могли вы забыть его?" И тут как бы пелена упала со всех глаз и раздавался бы великий восторженный гимн нового и последнего воскресения..." (Достоевский, 1988). Бог выступает объединяющей, дарующей истинное счастье и гармонию силой, фактором, позволяющим почувствовать свою причастность вечности.

Жизнь без Бога неприемлема для философа. Вера является опорой в жизни, но особенно ярко она выступает как спасательный круг, как последняя соломинка в тяжелой ситуации. Достоевский считает, что в кризисе человек стремится к Всевышнему, так как в трагические минуты лучше открывается истина, заключающаяся в Христе. Поэтому символом веры и идеалом для писателя выступает только Богочеловек, воплотивший в себе бесконечную доброту, красоту, разумность, мужество, совершенство, явление которого чудо. Христос, несмотря на отсутствие "математического доказательства" его существования, символизирует собой истину.

Как мы видим, мыслитель в своих рассуждениях предпочитает больше обращаться к Богу-сыну, чем к Богу-отцу. Христос обладает как божественными, так и человеческими характеристиками, поэтому он, несомненно, ближе и понятнее философу, поэтому он и выступает как идеал. Писатель считает, что на земле нет идеальных людей, отвечающих всем критериям такого совершенства, они лишь могут и должны стремиться к нему. Впрочем, нужно отметить, что четко очерченных критериев совершенства мыслитель не выдвигает, для него есть только совершенное явление – Богочеловек.

Именно Христос выступает главной фигурой в учении писателя, к нему должно стремиться человечество, он являет собой цель развития, ему вручается его судьба. Христос явился провозвестником потенциального человеческого бессмертия, так необходимого как ориентира людям в своей жизни, он открыто демонстрирует все скрытые до сих пор, потенциальные возможности человека, о которых он (человек) даже может не догадываться. Если одна из таких осуществленных потенций в Христе – бессмертие, то, значит, и человечество может воплотить заложенную в себе способность вечного существования.

3. Смерть и бессмертие в представлениях Ф.М. Достоевского

В своем творчестве философ неоднократно пытался создать картину бессмертной жизни, предлагая различные варианты вечного существования и вкладывая их в уста своих героев. Так, для Свидригайлова ("Преступление и наказание") вечность – "одна комнатка, эдак вроде деревенской бани, закоптелая, а по всем углам пауки"; в рассказе "Бобок" представлена ужасающе натуралистическая картина посмертного существования: "Разврат в таком месте, разврат последних упований, разврат дряблых и гниющих трупов" (Достоевский, 1994), сходные мысли у Нефедова ("Слабое сердце"), Ордынова ("Хозяйка"), Ивана Карамазова ("Братья Карамазовы"), Раскольников ("Преступление и наказание"), Кириллова ("Бесы"), Ипполита Терентьева ("Идиот"). Чаще всего такие представления имеют герои, находящиеся "во смерти", в периоде нравственного разложения. Все они сомневаются не столько в факте воскресения, сколько в осмысленности будущего бытия. На сколько будущее существование после смерти будет лучше, красивее и осмысленнее земной жизни, какие изменения в форме и содержании человека произойдут? Они верят в бессмертие вообще, но не могут поверить в бессмертие как преодоление смерти и тления, как продолжения земной телесной жизни (Евлатиев, 1998).

В противовес выше указанному направлению размышлений Достоевский выдвигает и другую линию, представленную мыслями героев просветленных, очищенных от скверны однобокой рассудочности. Так, для "людей счастливой земли" ("Сон смешного человека") вопрос о бессмертии неактуален, в силу определенности ответа на него. Главный герой этого рассказа "видит истину", обитатели чудесной планеты "знают" истину о бессмертии, а не просто верят. Но это идеальное состояние. Земной же человек все время сомневается, его вера основана на надежде, ждет свидетельств и доказательств. Противоречие заключается в том, по мнению писателя, что вера должна существовать без чуда, так как последнее требуется только теми, кто сомневается в божественном бытии. Требование чудес есть искушение для Христа, на которое он в силу своего совершенства, дарованной человечеству свободы, пойти не может. (Это отчетливо демонстрируется в разговоре Великого Инквизитора и Христа в "Повести о Великом Инквизиторе".) Поэтому идеальное положение – когда знание основано на единстве, нерасчленяемости, целостности разума и веры.

Стоит согласиться с В. Викторовичем в том, что появление такого рода представлений о знании и веры в их неотрывном единстве, "мистического знания" стало возможным благодаря знакомству писателя с В.

Соловьевым, как раз в этот момент намечавшего контуры своего учения. Весь роман "Братья Карамазовы", учение Зосимы подтверждали "единство трансцендентного и имманентного" (Викторович, 1993), божественного и внутреннего. На наш взгляд, хотя собственно вечная жизнь не была нарисована писателем в рассказе, бессмертие представляется Достоевскому единением с Целым, слитостью человека с универсумом, объединением с миром. Только в этом случае можно говорить о гармонии, рае.

Такое представление о человеческом бессмертии подтверждается дневниковыми записями философа после смерти первой жены: "Говорят, человек разрушается и умирает *весь*. Мы уже потому знаем, что не *весь*, что человек, как физически рождающий сына, передает ему часть своей личности, так и нравственно оставляет память свою людям... , то есть входит частью своей прежней, жившей на земле личности в будущее развитие человечества" (Достоевский, 1996). Как видим, Достоевский протестует против полной и окончательной смерти отдельного человека; на вполне научных позициях он показывает, что человек уже потому не может быть полностью смертным, что оставляет после себя определенный материальный и духовный опыт, наследие, передаваемое из поколения в поколение. В развитии общества остается частица каждой отдельной индивидуальности, в каждого человека входит "и плотью и душевленно" часть предыдущих поколений.

Но бессмертие не является только "статическим", в своей основе оно базируется на идеи эволюции жизни. Как справедливо отмечает Б. Вышеславцев (1990): "Человеческая жажда бессмертия есть жажда жить в будущем, жить "во все времена". Стоит согласиться, что у писателя бессмертие – "динамическое", т.е. стремление жить не только прошлым и настоящим, но и будущим, не вечностью косного вещества, но вечностью духа, жизненной полноты. Такое бессмертие – бессмертие во Христе. Христос вошел в человечество полностью, и каждый человек стремится к тому, чтобы воплотиться во Христе, стать его частью, и частью Бога-отца. Это и есть переход от Бога-сына к Богу-отцу. Это состояние Синтеза всех человеческих "я" в Боге.

На наш взгляд, для писателя такое бессмертие не является земным, не существует здесь и сейчас, это последующее состояние человека. Оно не поддается описанию и пониманию. Все попытки вербализовать это представление приводят к провалу, к созданию фантазмагорий или утопий (рассказы "Сон смешного человека", "Бобок"). Это нечто непредставимое в силу строя мысли земного человека, преобладания у него рассудочных форм познания, активного индивидуально-личностного характера существования. Целое, единое, Абсолютное бытие обладает другими качествами, оно невыразимо именно в силу своей нерасчлененности, невозможности разъединения на части, неотделимости разумного от чувственного и духовного.

Для философа, с нашей точки зрения, бессмертие – идеальное состояние, к которому стремится человек в своем развитии, но не может достигнуть. Земное существование человека – переходный этап к более полному и совершенному бытию, это постоянная борьба, стремление к перерождению, к новому виду Ното, отличному от того, что представляет собой на данный момент индивидуум. Будущее состояние явится результатом процесса эволюционного развития природы и человека как ее части. Но в то же время, это развитие обусловлено нравственно-культурными, социальными детерминантами. Перерождение природное неотделимо и связано с нравственным преображением всего человечества, а не только отдельных индивидов. Только при слиянии "я и все, ... взаимно уничтоженные друг для друга, в то же самое время достигают и высшей цели своего индивидуального развития" (Достоевский, 1996). В этой фразе ярко прослеживается идеал соборности, свойственный взглядам Достоевского, представление о равенстве "я" и "все", их взаимодополняемости и равноценности.

Писатель открыто отрицает возможность земного бессмертия: "это идеал будущий, ...а на земле человек в состоянии переходном... сам Христос проповедовал свое учение только как идеал, сам предрек, что до конца мира будет борьба и развитие, ибо это закон природы, потому что на земле жизнь развивающаяся, а там – бытие, полное синтетически, вечно наслаждающееся и наполненное, для которого, стало быть "времени больше не будет" (Достоевский, 1996).

В этих записках есть ясное указание на потусторонность осуществления бессмертия. Там, где "времени больше не будет" – фраза, изначально определяющая другое место существования человека. На планете Земля время является неотъемлемой характеристикой существования, формой бытия человека, здесь оно властвует вместе с пространством. Поэтому отмена данного атрибута существования неминуемо потребует изменений самой планеты и всех существ, ее населяющих, которые достаточно трудно вообразить. Может быть, поэтому Смешной человек после смерти оказывается на другой планете, Свидригайлов говорит о других мирах, в которых существуют привидения, и свое собственное самоубийство представляет как вояж, поездку.

Кроме того, наше земное существование неразрывно связано и требует человеческой деятельности, направленной на преобразование и изменение окружающего мира. Но в состоянии

слитости, в рае, уже будут достигнуты все цели человеческой деятельности, и телесная физическая оболочка, присущая земному человеку, да и сама земная жизнь, будут не нужны.

Впрочем, и сам Достоевский затрудняется предугадать, какой будет эта последующая бессмертная жизнь, в чем будут заключаться ее основные характеристики: "Какая она, где она, на какой планете, в каком центре, в окончательном ли центре, то есть в лоне всеобщего Синтеза, то есть Бога? – мы не знаем". "Как воскреснет тогда каждое я – в общем Синтезе – трудно представить. Но живое, не умершее даже до самого достижения и отразившееся в окончательном идеале – должно ожить в жизнь окончательную, синтетическую, бесконечную" (*Достоевский*, 1996).

Мысль, высказанная философом у гроба жены в 1864 г. приобретает к 1878 г. уже другие оттенки. Так, в своем письме Н.П. Петерсону он пишет: "...тела в первом воскрешении, назначенном быть на земле, будут иные тела, не теперешние, то есть такие, может быть, как Христово тело по воскресении Его, до вознесения в Пятидесятницу ... Предупреждаю, что мы здесь, то есть я и Соловьев по крайней мере, верим в воскресение реальное, буквальное, личное и в то, что оно сбудется на земле" (*Достоевский*, 1996). Как мы видим, теперь первоначальное появление бессмертия предполагается Достоевским все-таки земным, связанным с нашей планетой, но другая форма существования человека не только не отменяется, но и наполняется дополнительным содержанием.

Противоречиво его мнение и о том, будут ли люди в будущем отдельными существами или нет. Вначале он заявляет, что это будущее существо, "которое вряд ли будет и называться человеком", совсем для него неопределенно. Эта "другая натура" существует в полном слиянии, нерасчлененности, синтезе в Боге и с Богом. В ее бытии отсутствует брак, сменяемость поколений, что очень близко к идеям Н.Ф. Федорова.

Но уже к концу записей прорывается другая мысль: "Мы будем – лица, не переставая сливаться со всем, не посягая и не женясь, и в различных разрядах" (*Достоевский*, 1996). Здесь каждый останется "лицом", т.е. личностью. На наш взгляд, здесь присутствует некоторая неопределенность в изложении: если каждый остается личностью, значит, каждый соответственно остается индивидуальностью, неповторимостью. Однако за счет чего будет существовать уникальность каждого лица? Ведь отличительные черты проявляются в активности человека, а рай не предполагает активности, поскольку последняя всегда связана с преобразованием, изменением, в которых рай не нуждается, т.к. он совершенное создание. Всякие попытки человеческого действия здесь будут рассматриваться как грех. Но если деятельность, преобразование есть грех, т.е. зло, то его противоположность – добро будет представляться как бездействие, пассивность. Последнее также вступает в противоречие со взглядами писателя. Нам кажется, что этот вопрос для Ф.М. Достоевского оказался неразрешенным.

Для философа, с одной стороны, каждая личность важна благодаря своей уникальности, как неповторимое божественное творение, а с другой – является равноценным элементом единого Синтеза. Но если человек неповторим и равноценен, то в соответствие с каким критерием будет производиться разнесение "по разрядам" неразделимых частей целого? И что это за разряды?

В этом случае, на наш взгляд, встает вопрос о необходимости такого бессмертия: ведь при таком существовании человек теряет как личность, перестает чувствовать саму жизнь, ее поток. Это абсолютное гармоничное существование пожирает человека, превращает его в одного из многих одинаковых, нерасчлененных частей универсума. При таком существовании снимается с повестки вопрос о свободе, поскольку там, где все определено, не может быть свободы выбора. Рай становится адом, человеку негде проявить себя.

Человек должен познать свою уникальность и свою самость. Осуществить это возможно только через жизнь, ее проживание, через ее тяготы и страдания. В противном случае человек не сможет понять, что есть добро и зло, что есть счастье. (Как "счастливые люди" не знали, что они счастливы.) Только на контрасте, на противоположностях можно понять суть единения и целостности.

Мы согласны с философом, что через страдание познается настоящая жизнь и смерть. Смерть становится страшной и трагичной только потому, что человек представляется как неповторимое существо; умирание единственного, уникального приводит к трагизму смерти, рассмотрению ее как жестокости и несправедливости. Преодоление трагизма смерти, в соответствии со взглядами писателя, осуществляется через понимание ее как определенного периода бытия человека, как процесса перехода в новое вечное состояние – бессмертие. Достоевский считает, что такое отношение к смерти возможно только в гармоничном мире, мире любви и понимания. Здесь вопрос о смерти и бессмертии не имеет смысла, поскольку при условии включенности человека в целое универсума, при ощущении себя его частью он просто не ставится. Такую идеальную картину представляет писатель в рассказе "Сон смешного человека": "У них почти совсем не было болезней, хотя и была смерть; но старики их умирали тихо, как бы засыпая, окруженные прощавшимися с ними людьми, благословляя их, улыбаясь им и сами напутствуемые их светлыми улыбками. Скорби, слез при этом я не видал, а была лишь умножившаяся как бы до восторга любовь, но до восторга спокойного, восполнившегося, созерцательного. Подумать можно было, что они соприкасались еще с умершими своими даже и после их смерти и что земное

единение между ними не прерывалось смертью. Они почти не понимали меня, когда я спрашивал их про вечную жизнь, но, видимо, были в ней до того убеждены безотчетно, что это не составляло для них вопроса. У них не было веры, зато было твердое знание, что, когда восполнится их земная радость до пределов природы земной, тогда наступит для них, и для живущих и для умерших, еще большее расширение соприкосновения с Целым вселенной. Они ждали этого мгновения с радостью, но не торопясь, не страдая по нем, а как бы уже имея его в предчувствиях сердца своего, о которых они сообщали друг другу" (*Достоевский*, 1983).

Таким образом, существование смерти признается Ф.М. Достоевским даже в идеальном мире, мире целостном и едином. Здесь смерть рассматривается как естественное состояние, не приносящее боли и страданий, в силу качественной отличности этого мира от нашего, привычно земного. Мы видим, что осознание смерти, отношение к ней определяется земным существованием. В мире, где нет раздора, разобщенности, разорванности, за смертью не признают чего-то ужасного, она представляется важной частью существования человека, но второстепенной. Только там, где хаос и разрушение, где нет единства и душевной благодати, смерть является трагедией. Поэтому необходимо отметить что, исходя из воззрений философа, отношение к смерти определяется и мирским существованием человека: так как в нашем мире нет гармонии, мало любви, распространено зло, в нем есть и страх смерти.

4. Духовное омертвление личности в воззрениях Ф.М. Достоевского

В соответствии со взглядами писателя, человек совмещает в себе два начала, находящихся в постоянной борьбе: злое и доброе, где первое неразрывно связано с телесной природой человека, его смертностью, эгоизмом, а второе – с божественными потенциями, возможностью нравственного совершенствования, стремлением к истине и красоте. Поэтому любое существо для мыслителя достойно внимания и любви, даже в своих отрицательных героях автор старается найти уголок добра, несмотря на их недостатки, отталкивающую внешность, дурные наклонности, отвратительные поступки. Каждый имеет право на понимание и прощение, поскольку наибольшее наказание для человека – сам человек, его совесть. Так, своему брату он писал о каторжных: "Поверишь ли: есть характеры глубокие, сильные прекрасные, и как весело было под грубой корой отыскать золото" (*Достоевский*, 1996). В каждом человеке есть свое внутреннее "золото".

Но потенциальное добро еще не есть его реализация, осуществление. Достоевский считает, что человек может быть нравственным существом только с Богом. Поэтому и нет в его произведениях счастливых безбожников. По мнению философа, Бог – тот ориентир, компас, которым должны руководствоваться люди в жизни, опора в трудной ситуации. У любого случаются сложности и проблемы. Но атеисту в таком положении не на что надеяться, не за что схватиться, что приводит к нравственному обвалу, разлому человеческой личности, нередко заканчивающемуся сумасшествием (Иван Карамазов).

Для нравственного воскресения и роста необходим Бог, так как для спасения нужно ощутить свое единство с миром, себя как часть целого, свою слитость с универсумом. А целым, воплощающим в себе все, может быть только Бог, обладающий необходимой силой и мощью, только вера в него позволяет ощутить необходимую поддержку.

По мнению писателя, человек не может быть Богом, Христос – не обыкновенный человек, он олицетворяет собой надчеловеческое, надземное начало, нравственное, совершенное, сверхсильное. И хотя индивидуум создан "по образу и подобию Божьему", ему для собственного спасения мало одного себя. Но мало и одного Бога. Спасение может быть только соборным, только в единстве с другими людьми. Не случайно в предсмертной записке Кириллов пишет: "Liberte, egalite, fraternite, ou la mort!" (*Достоевский*, 1990). У человека должна быть возможность опереться на другого. Во всех произведениях, если кто-то и помогает погибающему, то это всегда лицо верующее и преимущественно женское (Соня у Раскольникова, Кроткая у мещанина, Лиза у Дмитрия Карамазова). Женское участие, доброта, сострадание помогают преодолеть страх смерти, принять свой жизненный крест, оказывая действенную помощь и поддержку. Философ не принимал аскетизма и считал его недостаточной формой поведения. Его Алеша Карамазов потому и отправляется в мир, что затворничество не может, по мнению мыслителя (выраженное в словах Зосимы), решить задачи истинного совершенствования человека.

Писатель в развитии человечества выделял несколько этапов, отражающихся в индивидуальной жизни каждого человека. Эти этапы, по нашему мнению, можно назвать ступенями развития человека и человеческой культуры. Первая ступень – этап радости и наслаждения, счастья, отсутствия зла и греха. Это время чувственного единения с миром, отсутствия разумного его изучения и осознания. Здесь зло рассматривается как физическая боль, добро же – как ее отсутствие.

Вторая ступень – этап цивилизации, с высоким уровнем сознания, приводящим к пониманию добра и зла, раздвоенности своего существования, постоянной внутренней борьбой и нравственными страданиями.

Третья ступень – этап очищения и единения, любви. Его можно достигнуть, только пройдя через

внутренние искания и муки цивилизации. Здесь разум и чувство объединяются, начинают жить в унисоне. Вообще для Достоевского разум не может существовать без чувств, там, где происходит их разъединение, существование по одиночке, начинается хаос и разложение. По его мнению, даже "разумный эгоизм" не может привести индивидуума, как и все человечество к счастью.

Человеческое существование предполагает смыслом жизни нравственное совершенствование в единение с другими людьми, во всеобщей любви, в самоотдаче себя на благо другим, т.е. достижение высшей последней ступени развития. Только на этой точке окончательно формируется понимание и убеждение в том, что "высочайшее употребление, которое может сделать человек из своей личности, из полноты развития своего я, – это как бы уничтожить это я, отдать его целиком всем и каждому безраздельно и беззаветно. И это величайшее счастье" (Достоевский, 1996).

По мнению писателя, любой человек обладает огромной жизненной энергией. Проблема заключается в том, куда он ее направляет, в какое русло: на карамазовское "сладострастие", выступающее губительным, гадким, разрушающим началом, повергающим все высшие склонности и интересы человека, акцентированном на сексе, деньгах, славе, власти, мнении общества или на моральное саморазвитие и совершенствование. Сложность выбора определяется тем, что последний вариант связан с претворением в жизнь главной заповеди Христа – "Возлюбите другого как самого себя". Но человеческий эгоизм, себялюбие препятствуют этому.

Поэтому смертью для философа является не только физическое прекращение жизни, но и отказ от воплощения в действительность заветов Бога, нравственная деградация, изоляция от других людей. На наш взгляд, для мыслителя одиночество и сопровождающие его нравственные муки по сути своей – социальная смерть субъекта. И эта смерть еще страшнее и ужаснее, чем физическая (Смешной человек, Раскольников, Иван Карамазов). К этой смерти человек приходит в том случае, если он отъединяется от других людей, ставит себя выше их в своей попытке стать сверхчеловеком, человекобогом, считает, что "право имею".

Социальная смерть героя, его духовное омертвление начинается с того момента, когда разумом его начинает овладевать какая-то идея, мысль о своей собственной избранности, о возможности нарушении нравственных норм для достижения какой-то цели. Причем цель эта может казаться человеку гуманной, прогрессивной, необходимой для дальнейшего счастья не только его лично, но и других людей, близких и далеких (как, например, у Раскольникова). Погружаясь в эту идею, обдумывая ее, уделяя ей все больше и больше внимания, индивид постепенно отдаляется от реального мира, "заклывается в склянку "мертвой жизни" (Накамура, 1993). Изоляция приводит к тому, что человек начинает по-другому оценивать окружающий мир и его нормы, с пренебрежением относится к другим людям, считает себя "новым человеком". Процесс этих мысленных рассуждений приводит к нравственной мутации, к духовной трансформации и "омертвлению сердца".

В попытке стать "необыкновенным" человек умирает социально и духовно. Тот, кто решил, что "право имеет" на чужие жизни, обрекает себя самого на смерть: "Разве я старушонку убил? Я себя убил, а не старушонку!" – говорит Раскольников. Пожирающие человека "отвлеченные идеи" не помогают ему в нравственном совершенствовании, так как они оторваны от реальной жизни, от чувств, они суть умозрительные заключения. Истинность или ложность идеи философом определяется последствиями ее реализации.

Человек – часть целого универсума, в котором ему для гармоничного существования необходимо выполнять свои функции. По мысли Достоевского, отделившись от целого, потеряв свое основание, индивидуум не может существовать самодостаточно, ему необходимо "прилепиться" обратно, всякие попытки подчинить себе это целое потерпят крах. Только в процессе взаимодействия возможно истинное бытие.

Духовное разрушение еще тяжелее и мучительнее, чем физическое. Но почему же человек начинает мучиться содеянным, если до этого у него в голове сложилась четкая картина мира и действия в нем, почему нет спокойствия и удовлетворенности от того, что все произошло как планировалось? По мнению Достоевского, в человеке присутствует не только сознание, разум, но и духовная составляющая. Причем это начало – божественная составляющая – есть в любом из людей. Именно она начинает проявляться как совесть, лежит в основе всех душевных терзаний и пыток. Как справедливо отмечал Г.М. Фриндлер (1993): "Совесть – вечный беспокойный фермент, живущий в человеческой душе, фермент, не дающий ей эгоистически замкнуться в себе, застыть и окаменеть". Это духовное начало в человеке не дает ему опуститься, стать зверем, возвращает его к жизни.

Преодоление омертвелости предполагает, прежде всего, возвращение чувственно-духовной составляющей человека. Для этого Достоевский считает необходимо вернуть ощущение своей сопричастности к миру, к природе, к реальной действительности, к настоящей, а не придуманной жизни. Примириться и сосуществовать с ней. Попытаться не раскладывать окружающий мир "по полочкам" в соответствии со своей схемой и планом, а понять душу другого человека.

Одна голая рассудочность приводит к фальши и лицемерию, поскольку правда требует

обнажения, показа себя такого, какой ты есть, принятие другого со всеми его недостатками, сочувствия и прощения. Коммуникация между людьми должна строиться на проникновении и понимании другого, на нравственных проявлениях человека. Это общение не обязательно должно быть облечено в слово, оно может быть и молчанием (как при разговоре Христа и инквизитора), которое иногда более значительно и важно. Мысль о том, что "сострадание есть главнейший и, может быть, единственный закон бытия всего человечества" (Достоевский, 1973), переплетается с положением В. С. Соловьева о жалости как одном из основополагающих началах человеческой нравственности.

Принять жизни такой, какая она есть, полюбить ее со всеми горестями и страданиями и только потом стараться изменить ее на основе любви и прощения – цель человеческой жизни, по мнению Достоевского. Эту мысль хорошо демонстрирует диалог Алеши и Ивана Карамазова, в котором Алеша призывает "жизнь полюбить прежде логики", т.е. без рассудочного ее осмысления, без требования ее "доказательного" смысла, без "евклидовой геометрии".

4. Заключение

В философском наследии Ф.М. Достоевского взаимоотношения жизни, смерти и бессмертия уделено огромное внимание. Основные проблемы бытия решаются мыслителем через соотнесение их с нравственным образцом и идеалом – Христом. Вера в Бога рассматривается как ориентир, помогающий ответить на все трудные вопросы и задачи, помогающий преодолеть страх смерти и полюбить жизнь с ее проблемами и страданиями.

Смерть предстает не только как демаркационная линия между земной жизнью и вечностью, но как определенный этап человеческого существования, влекущий за собой новые формы бытия как нравственные, так и телесные. Смерть – это не только потеря земной плоти, но, прежде всего, потеря веры, духовная омертвелость, нравственная деградация. Преодоление смерти возможно благодаря Богочеловеку – Христу, воплотившему в себе идеальное состояние человечества и доказавшему возможность осуществления бессмертия. Протестуя против конечности земного бытия, мыслитель рассматривает бессмертие как высший уровень эволюции. Богочеловечество – будущее земного человечества, представляющее собой цельный организм, нивелирующий все различия между людьми, приводящий к гармонии и счастью, на основе всеобщего единения, соборности и любви.

Иммортологические представления Достоевского, несмотря на неопределенность и расплывчатость некоторых положений, обладают яркостью и оригинальностью, поражают своей верой и страстным желанием нравственного роста и совершенствования человека, надеждой на достижение лучшей жизни, победы сил любви.

Литература

- Бахтин М.М.** Проблемы поэтики Достоевского. М., *Художественная литература*, 1963.
- Викторович В.А.** Достоевский и Вл. Соловьев. *Достоевский и мировая культура. Альманах №1, Сост. К. Степанян, Вл. Этов. СПб., Литературно-мемориальный музей Ф.М. Достоевского, с.2-31, 1993.*
- Вышеславцев Б.** Достоевский о любви и бессмертии. В кн.: *О Достоевском: Творчество Достоевского в русской мысли. М., Просвещение, с.398, 402, 405, 1990.*
- Достоевский Ф.М.** Голословные утверждения. Дневник писателя. Декабрь. 1876. Собр. соч. В 30 т. Л., *Наука*, т.24, с.46, 1982.
- Достоевский Ф.М.** Письмо А.Н. Майкову от 25 марта (6 апреля) 1870. Письма 1869-1874. Собр. соч. В 30 т. Л., *Наука*, т.29, с.117, 1986.
- Достоевский Ф.М.** Бесы. *Петрозаводск*, с.561, 559-560, 1990.
- Достоевский Ф.М.** Дневник писателя. 1873. Собр. соч. В 15 т. Л., *Наука*, т.12, с.64, 1994.
- Достоевский Ф.М.** Идиот. Собр. соч. В 30 т. Л., *Наука*, т.8, с.192, 1973.
- Достоевский Ф.М.** Письма 1831-1881. Собр. соч. В 15 т. СПб., *Наука*, т.15, с.95, 550-551, 715-717, 555, 101, 1996.
- Достоевский Ф.М.** Подросток. М., *Просвещение*, с.387, 388, 1988.
- Достоевский Ф.М.** Сон смешного человека. В кн.: *Записки из мертвого дома; Рассказы. М., Советская Россия, с.391, 397, 1983.*
- Евлампович И.И.** Кириллов и Христос. Самоубийцы Достоевского и проблема бессмертия. *Вопросы философии*, № 3, с.21, 1998.
- Накамура К.** Две концепции жизни в романе "Преступление и наказание" (Ощущение жизни и смерти в творчестве Достоевского). *Достоевский и мировая культура. Альманах № 1, Сост. К. Степанян, Вл. Этов. СПб., Литературно-мемориальный музей Ф.М. Достоевского, с.94, 1993.*
- Пугачев О.С.** Идея бессмертия в русской религиозной философии. Конец XIX – начало XX в. *Пенза*, с.169, 1996.
- Фриндлер Г.М.** Диалог в мире Достоевского. *Достоевский и мир культуры. Альманах № 1, Сост. К. Степанян, Вл. Этов. СПб., Литературно-мемориальный музей Ф.М. Достоевского, с.83, 1993.*